

следними добровольцы повернулись навстречу и выставили, было, штыки, но тут же различили белую папаху и, ожидая выволочки, стали «смирно».

– Здравствуйте, друзья мои! – крикнул им на скаку Марков.

– Здравия желаем, Ваше Превосходительство! – ответили добровольцы.

Они настолько были поражены, что генерал *сразу* понял и принял причину их отставания, что, не сговариваясь, разом выкрикнули ему вслед громкое «Ура!» Оно тут же было подхвачено остальными отставшими группами, достигло полка, и, едва Марков поравнялся с колонной, усилено и умножено им многократно...⁴⁷⁴

Пройдя до 15 километров, поздним вечером 1-я бригада вошла в станицу Дядьковскую, где уже стояли на днёвке остальные части и обоз.

6.15. Дядьковская. Успенская. Лежанка

В Дядьковской Армия была встречена с большим радушием. Казаки не пожалели для добровольцев ни съестных припасов, ни кровя для ночлега. Впервые за много дней люди выспались под крышами домов в относительно комфортных условиях.

Армия постепенно оправлялась от глубоких ран Екатеринодара. И первым признаком этого были возобновившиеся среди

⁴⁷⁴ «...среди всех трудностей, – пишет Львов, – наша армия, которую можно назвать армией не по её числу... но по её внутренней силе, сумела пробить себе путь...

...целый ряд счастливых случайностей выручал нас от неминуемой гибели. Там большевики не взорвали большой мост через Кубань, у станицы Усть-Лабинской... Взорви они мост, и путь нам был бы преграждён...

А там, у большевиков не хватило смелости пойти на нас в наступление. Будь у них больше решимости, и какой-нибудь десяток, другой юнкеров был бы раздавлен численным превосходством.

Сколько раз они могли напасть на обоз с нашими ранеными и переколоть всех. Для охраны обоза у нас не хватало людей. И, тем не менее, они ни разу не отважились на решительное наступление...

Чего-то у них не хватало, и напротив, что-то было в наших людях, что мешало противнику действовать решительно и покончить с нами одним ударом.

Вот это нечто, что заключается в самом человеке и приводит к тому, что десяток людей стоит целого батальона, и один полк разбивает дивизию».

личного состава разговоры о создавшемся положении и о перспективах. Сходились на том, что ситуация улучшилась, но не настолько, чтобы успокаиваться по этому поводу. Армия вышла в район с преобладающим казачьим населением, где не были сформированы отряды Красной гвардии. Но при этом всё равно оставалась в кольце железных дорог, а, следовательно, в любой момент могла вновь оказаться под ударом.

Главный же вопрос, на который никто не находил ответа, заключался в одном: что дальше? Куда теперь идти и на что рассчитывать?

Деникин между тем продолжал привносить в походный армейский быт значительно облегчающие его новшества. И в частности, Командующий приказал мобилизовать у казаков телеги для того, чтобы в последующих переходах перевозить на них хотя бы часть пехотных подразделений. Идея, заимствованная у большевиков, была настолько простой, что все лишь удивлялись, отчего она не нашла применения раньше. Скорость передвижения при этом увеличивалась, по крайней мере, вдвое. К тому же, строевые части не растрачивали понапрасну все силы на марше.

Но тут выяснилось, что быструю езду не могут перенести тяжело раненые. Так ли это было на самом деле, или же рекомендации медицинского персонала были использованы, как повод, но Деникин принял решение оставить в станице всех лежащих раненых.

Уже к полудню 4(17) апреля слух об этом разнёсся по Армии и вызвал всеобщее возмущение⁴⁷⁵. При этом все понимали, что Командующий во многом прав, и две сотни тяжёлых раненых неизбежно стеснят, а возможно, и погубят Армию. Но в то же время, каждый чётко осознавал, что и сам в любой момент мо-

⁴⁷⁵ «В станице Дядьковской, когда я обходил своих раненых, – пишет Казанович, – они с тревогой спрашивали меня: правда ли, что решено оставить тяжело раненных? Я успокоил их, назвал эти слухи провокацией и дал слово, что ни один партизан оставлен не будет. Едва я вернулся к себе на квартиру, как меня позвали на совещание к генералу Алексееву, и я к своему ужасу услышал, что обсуждается вопрос об оставлении раненых. Я рассказал о своём разговоре с партизанами; это вызвало некоторое смущение, но, тем не менее, большинство высказалось за оставление тяжело раненных. К счастью, у нас подвод оказался достаточно, и я мог сдержать слово, данное своим раненым».

жет очутиться на их месте. На милость красновардейцев никто не рассчитывал.

Был созван совет из высших начальников и докторов лазарета. К удивлению многих строевые командиры поддержали Командующего⁴⁷⁶, да и Деникин в этом вопросе проявил твёрдость. Вероятно, его самого даже больше других тяготило принятое решение. Во всяком случае, всё, что можно было предпринять для облегчения их участи, он сделал. С ранеными оставались доктор и сёстры милосердия. Они были отданы на попечение станичного схода, что тоже имело определенное значение, так как большевики на первых порах старались без нужды казаков не задевать. И, кроме того, в Дядьковской были освобождены и оставлены ещё Покровским выведенные из Екатеринодара заложники. С них взяли слово, что раненым будет гарантирована жизнь и медицинский уход.

И.Л. Хижняк утверждает, что в ответ на это И.Н. Янковский ответил: «Мы не расстреливаем не только раненых, но и пленных». Но эмигрантские источники связывают относительно благополучное завершение этой истории с именем другого человека. «...оставлены были с ними... – пишет Богаевский, – и несколько заложников-большевиков, среди которых был видный деятель Лиманский, честно исполнивший впоследствии своё обещание защищать раненых». В итоге из 119 оставленных в Дядьковской добровольцев двое были убиты, 16 умерли от ран, но 101 удалось спасти. Некоторые из них позже вновь присоединились к Армии⁴⁷⁷.

Едва стало известно о принятом решении, в частях решили

---

⁴⁷⁶ «За оставление», в числе других, высказались Алексеев, Романовский, Марков.

⁴⁷⁷ Остался в станице и матрос Баткин. Деникин утверждает, что – по собственному желанию. Александров настаивает на том, что Баткин был изгнан. Думается, суть не в этом. Корнилов, являвшийся весьма посредственным оратором, возил его в обозе, именно под впечатлением зажигательных митинговых речей. Но после Екатеринодара стало очевидно, всё решится не на митингах, а в бою. К тому же в казачьих областях мало кого могли привлечь, по сути, весьма левые призывы Баткина, а раздражали они в Армии многих. «Матрос», как инструмент агитации, стал не нужен. Скорее всего, был бесполезен с самого начала. Препровождённый в расположение большевиков, он каким-то образом умудрился уцелеть.

спасать «своих». К лазарету потянулись выделенные полковые подводы. На них «замаскировано» перекладывались выразившие согласие двигаться в составе строевых колонн раненые и тут же увозились в расположение частей. Таким способом сохранили при Армии, но уже вне обоза и лазарета до 80 раненых.

В Дядьковской была расформирована Артиллерийская рота. Её чины были влиты во 2-ю роту Офицерского полка, которая после этого насчитывала до 60 штыков. Командиром роты был назначен полковник Коротаев, командирами взводов капитаны Чунихин и Анкудинов.

Поздним вечером Армия, никем не тревожимая, оставила станицу. Часть пехоты вплоть до станицы Бейсугской шла походным порядком, а оттуда все ехали уже на подводах. В течение нескольких последующих дней добровольцы продвигались по степи ускоренным маршем. Направление и цель движения тщательно скрывались⁴⁷⁸. На перекрёстках стояли конные маяки и указывали дорогу. Останавливались лишь на короткие и длинные привалы.

После отдыха в Журавской Армия, не встретив какого-либо противодействия, пересекла в ночь на 6(19) апреля железную дорогу на отрезке между Кореновской и Выселками⁴⁷⁹ и в тот же день заняла Бейсугскую⁴⁸⁰. Выйдя из станицы ранним утром 7(20) апреля, Армия прошла через Владимирские хутора, и в ночь на 8(21) апреля вновь без боя пересекла железнодорожное полотно южнее Архангельской.

Здесь добровольцы уже совершенно оправились от недав-

---

⁴⁷⁸ В Дядьковской в приказе по Армии указывалось фиктивное место ночлега – станица Березанская. И лишь на плотине у речки Журавки выставленный штабом маяк сворачивал войска в противоположную сторону, к Журавской.

⁴⁷⁹ В полночь Армия вышла к железнодорожному полотну. Корниловский полк стал от переезда фронтом на Кореновскую, Офицерский – на Выселки. К 4 часам утра обоз был уже на той стороне. Полки сняли заслоны и проследовали вслед за «главными силами». Только через час подошёл советский бронепоезд, и даже дал несколько выстрелов. Однако к этому времени Армия уже вышла из зоны досягаемости артиллерийского огня.

⁴⁸⁰ Ныне – Новобейсугская. Поворот Армии к югу, обусловленный желанием держаться подальше от железных дорог, в Екатеринодаре восприняли, как попытку нового наступления. К Усть-Лабинской даже были двинуты значительные силы. Однако к этому времени добровольцы были уже далеко.

них неудач. Марков, бывший на переезде с Кубанским стрелковым полком, сообщил по телефону в Тихорецкую и Кавказскую о том, что «Добровольческая армия благополучно перешла железную дорогу». Помимо демонстрации вновь обретенной силы генерал рассчитывал выманить советский бронепоезд или эшелон с красногвардейцами и, уничтожив его, пополнить запас снарядов и патронов. На путях набросали шпалы, вдоль полотна залегли добровольческие цепи⁴⁸¹. К утру поезд подошёл, был остановлен и захвачен. Но состав оказался товарным. Из вагонов сгрузили перевозимых лошадей и изъяли перевязочные материалы. Боеприпасов в эшелоне не обнаружили.

Преодолев за четверо суток до 150 километров, к вечеру 9(22) апреля Армия прибыла в станицу Ильинскую, в которой впервые за время марша была объявлена полноценная ночёвка. Предполагалось продолжить марш, но стали поступать первые неясные известия о восстании казаков на Дону, что вносило определённые коррективы в планы командования. В новых условиях на первое место выходили не быстрые переходы, а точное определение дальнейшего маршрута.

Приносила свои плоды и объявленная Кубанским атаманом Филимоновым мобилизация⁴⁸². В Офицерский полк были вли-

⁴⁸¹ «Основные силы» проследовали на Хоперскую, и далее на Ильинскую.

⁴⁸² «Кубанские казаки, – пишет Деникин, – начали присоединяться к армии целыми сотнями. Кубанские правители, шедшие с армией, во всех попутных станицах созывали станичные сборы и объявляли мобилизацию. Правда, многие казаки тотчас по выступлению в поход возвращались домой, многие должны были за отсутствием оружия следовать при обозе. Тем не менее, в рядах Армии к маю было более двух тысяч кубанцев.

Между кубанскими властями и командованием установились отношения сухие, но вполне корректные. Атаман, Правительство и Рада ни разу не делали попыток нарушить прерогативы командования и, кроме мобилизации, несколько помогли растаявшей казне Алексеева – миллионом рублей и принятием на себя реквизиционных квитанций за взятых лошадей и другое снабжение. В частях, не исключая и кубанских, к Правительству и Раде относились иронически и враждебно. Им не могли простить их самостийно-революционное прошлое и то обстоятельство, что «радянский отряд», в 160 здоровых, молодых всадников, на отличных конях, ездил в обозе даже тогда, когда в бой шли раненые». Следует, конечно, учитывать, что после событий осени 1919 г. Деникин по отношению к Кубанскому правительству вряд ли мог оставаться непредвзятым.

ты до 200 казаков. Получили пополнение и «корниловцы». Начали зачислять на службу, в основном на нестроевые должности, и пленных солдат-красногвардейцев. Поначалу подобные случаи были, конечно, единичными.

10(23) апреля имело место первое после Медведовской более-менее масштабное боестолкновение. В 18 часов красногвардейцы повели наступление от станицы Дмитриевской. Навстречу выдвинулись части 2-й бригады. Корниловский полк развернулся вправо от дороги, Партизанский – влево. К 22 часам противник был оттеснён и, оставив Димитровскую, отошёл на Расшеватскую. В захваченной станице были взяты два пулемёта. К полуночи бригада вернулась в Ильинскую и стала на своих квартирах.

12(25) апреля Армия перешла в станицу Успенскую, где также задержалась на несколько дней. Вечером было объявлено о намерении Командующего 14(27) апреля произвести по бригадам смотр Армии. За сутки до назначенной даты смотр 1-й бригады произвёл её командир. Полки выстроились поротно развёрнутым строем. За ними стояли полковые обозы. Поздоровавшись, Марков выступил перед Офицерским полком с речью⁴⁸³.

– Ого! Полк ещё большой⁴⁸⁴. Воевать можно, – начал он оптимистично. – Ныне Армия вышла из-под ударов, отдохнула, пополнилась и готова к новым боям. У нас имеются сведения о восстании казаков на Дону. Возможно, скоро мы передвинемся к ним поближе, перейдём на Дон, но не будем терять влияния и связи с Кубанью и упускать из вида общероссийскую задачу. Куда мы перейдём, вас это не касается...

*Я слышал, что в минувший тяжёлый период жизни Армии, некоторые из вас, не веря в успех, покинули ряды и попытались спрятаться в сёлах. Нам хорошо известно, *какая судьба их постигла*. Если и теперь кто-либо ещё желает уйти к мирной жизни, пусть скажет заранее. Удерживать не стану: вольному – воля, спасённому – рай и... к чёрту!*

⁴⁸³ Смотри 1-го Кубанского стрелкового полка производил его командир полковник Туненберг.

⁴⁸⁴ Вместе с пополнением и возвращавшимися из лазарета лёгкоранеными в полку насчитывалось до 600 штыков.

В преддверии общеармейского смотра Марков дал несколько поручений, прошёл перед строем полка, лично здороваясь и коротко переговаривая со многими и затем обошёл и внимательно осмотрел обозы.

В этот же день Деникин издал приказ, в котором помимо прочего говорилось следующее:

«...Замечено также, что при обозе ездят люди, не занимающие никаких должностей в Армии и только отягчающие её передвижение.

Поэтому приказываю:

1) Всем лицам, ведущим самостоятельное существование при Армии⁴⁸⁵, таковое прекратить, вступив в строевую часть Армии.

2) Назначаю комиссию под председательством ген. Маркова для проверки всех, находящихся в обозе и

3) Всех уклоняющихся, а равно не желающих вступить в Армию вопреки моего приказа, *вывести за околицу и плетью отогнать в сторону противника*».

14(27) апреля на станичной площади выстроилась 1-я бригада. Командующий со штабом под неизменным, будто бы переданным покойным Корниловым, трёхцветным знаменем объехал строй, здороваясь с каждой частью по отдельности. Затем, поблагодарив войска, выступил с речью, в которой уверил, что дело не проиграно, начатая борьба продолжается и с восстанием на Дону получает новое развитие. И сообщил напоследок, что Армия выступает на помощь донцам.

После этого бригада прошла перед Командующим церемониальным маршем. Настроение у всех было приподнятое. Роты печатали шаг. От чётких громких ответов на приветствия дрожали стёкла в домах. Добровольческая армия восстановилась

⁴⁸⁵ Непрерывные переходы из области в область и из района в район весьма способствовали меновой торговле. Беженцы, выздоравливающие офицеры, а иногда и проходимцы, непонятно как приткнувшиеся к Армии, вначале занимались ей для добывания средств пропитания. Но вскоре предприятия разрослись. Под прикрытием добровольческих штыков наиболее удачливые обзавелись деньгами, товаром и личными подводками.

Остаётся лишь удивляться, что до подобных «элементов» не дошли руки у Корнилова.

и вновь обрела веру в себя и благополучный конечный исход.

Обладая подавляющим превосходством в силах и средствах, только что победившая в Екатеринодаре Советская власть не озаботилась или не смогла должным образом организовать преследование и раздавить добровольцев. В городе с первых дней началась борьба за власть. Командиры и части вовсе не спешили оставить город и выступить навстречу новым кровопролитным боям. Борьба же с Армией силами местных формирований заранее была обречена на провал. Поселковая Красная гвардия была не столь организованной и хорошо вооружённой, как крепко сколоченные, закалившиеся в боях солдатские полки 39-й дивизии и отряды выдвинувшихся советских командиров. К тому же от своих хуторов и куреней красногвардейцы, тем более казаки-фронтовики, отходили весьма неохотно.

В штабе Армии было получено известие, что в хуторах восточнее Новолокинского поселения развёрнут штаб Красной гвардии и оборудован склад боеприпасов. В 20 часов 13(26) апреля три роты Корниловского полка в количестве до 160 штыков под командой капитана Скоблина прибыли в Новолокинское в распоряжение генерала Эрдели и стали готовиться к наступлению. Атака то откладывалась, то назначалась вновь⁴⁸⁶. Наконец, 15(28) апреля в 3 часа ночи «корниловцы» под покровом темноты приблизились к окопам красногвардейцев у Дюпатовского хутора, ворвались в них и опрокинули противника. Правее наступала бригада Эрдели. Пластунский батальон полковника Улагая оставался в резерве.

Корниловские роты оставались на занятых позициях до 20 часов, затем возвратились в Успенскую, где и стали на квартиры. Склад обнаружен не был. В ночной атаке добровольцы потеряли убитыми и ранеными до 60 человек. Но атака не оказа-

⁴⁸⁶ 14(27) апреля Скоблин получил распоряжение присоединиться к главным силам полка, и к 9 часам утра привёл свой отряд обратно в Успенскую. Однако в 18 часов последовал приказ, подтверждающий прежний наступательный замысел. К 23 часам «корниловцы» вновь сосредоточились в Новолокинском.

Видимо в зависимости от меняющейся обстановки в штабе не могли определить, к чему склониться. Немедленно всеми силами идти на Дон, либо всё же попытаться захватить у противника столь необходимые боеприпасы.

лась бесполезной. Вольно или невольно, но «корниловцы» обозначили ложное направление последующего движения Армии и отвлекли от действительного маршрута.

При первых же невнятных слухах ещё из Ильинской на Дон, в станицу Егорлыкскую для выяснения обстановки был направлен разъезд под командой полковника Барцевича. Пройдя за несколько дней до 200 километров, Барцевич прибыл в Ильинскую и привёз с собой несколько десятков донцов.

Доклад его, подтверждённый станичниками, превзошёл все ожидания. Дон поднялся против большевиков. Очаги сопротивления множилось, сливались, образовали освобождённые районы и формировали вооружённые группы. Задонские станицы свергли Советскую власть, отбивались от нападающих красногвардейцев и просили добровольческое командование поспешить на помощь.

Посоветовавшись с Алексеевым, Деникин принял решение идти в Задонье⁴⁸⁷. Вместе с тем формировался особый конный отряд из четырёх кубанских и черкесских сотен, который под командой генерала Покровского должен был проследовать в Лабинский отдел и стать катализатором и ядром нового восстания⁴⁸⁸.

Представители Кубанских властей были приглашены в Штаб, где Командующий сообщил им о принятом решении. Вместе с тем Деникин подчёркивал, что Кубани Армия не оставляет, будет сосредоточена у её границ и при первой же возможности окажет военную помощь. Возражений не последовало. Было лишь заявлено опасение, что в этом случае отдельные

⁴⁸⁷ Почти одновременно прибыли и делегаты из станицы Прочноокопской. Они убедили Деникина идти в Лабинский отдел, где после неудачи восстания, «сохранилась вся организация, заготовлено оружие, и казаки только лишь ждут сигнала к новому выступлению». Более того, по их словам подобные настроения господствовали не только в Лабинском, но и в Баталпашинском, а частично, и в Майкопском и Кавказском отделах, и всё, якобы, готово было для занятия Армавира.

⁴⁸⁸ Покровский с отрядом намеревался следовать через станицу Расшеватскую, но ввиду сосредоточения в ней значительных сил противника, а также, нежелании Черкесского полка выделить две сотни для экспедиции, вынужден был вернуться к Армии. При последующем движении к Гуляй-Борисовке и выходе Армии к полотну Владикавказской железной дороги, его отряд выполнял вспомогательные функции, прикрывая левый фланг наступающих.

кубанские части и подразделения могут не пойти с Армией. Однако когда части узнали о том, что добровольцы уходят в Задонье, даже те кубанские сотни, которые могли по желанию идти с Покровским в Лабинский отдел, пожелали остаться с Армией.

Выступление основных сил намечалось на вторую половину дня 16(29) апреля с тем расчётом, чтобы подойти к полотну железной дороги ночью. Однако с 14 часов красновардейцы повели значительными силами наступление от Расшеватской. Навстречу выдвинулись Корниловский и Партизанский полки и до 20 часов сдерживали противника. Когда бой стал затихать, 2-я бригада снялась с позиций и стала в арьергарде ушедшей вперёд армейской колонны.

1-я бригада оставила Успенскую после полудня. Вначале части, продолжая вводить противника в заблуждение, двигались на северо-восток. Продвигаясь по бездорожью, сбились с пути. Наступил вечер, и в сгустившихся сумерках добровольцы увидели на горизонте зарево. Вскоре бригада вышла к горевшему хутору, по-видимому, подожжённого красновардейцами. Офицерский полк обошёл его справа, 1-й Кубанский стрелковый – слева.

Выйдя в степь, Офицерский полк продвигался некоторое время в темноте, но был вскоре обстрелян и остановился⁴⁸⁹. С рассветом 16(29) апреля полк сбил незначительные заслоны противника, свернул круто влево и вскоре достиг полотна железной дороги на участке между станциями Белая Глина и Бя. Перейдя его, полк натолкнулся на новые позиции большевиков. На этот раз их занимали значительные силы.

Прикрывая дорогу на Горькую Балку, красновардейцы отрыли окопы таким образом, что полку для атаки пришлось развернуться на 45° вправо. Левый фланг полка под непрерывным обстрелом стал заворачивать, выравнивая линию, но тут со стороны Белой Глины подошёл советский бронепоезд. Едва шедшая в резерве за правым флангом 4-я рота успела перейти железную дорогу, два орудия и пулемёты бронепоезда с расстояния в 300-400 шагов стали расстреливать её с тыла и фланга.

⁴⁸⁹ Обоз под прикрытием конницы вышел к линии железной дороги и за ночь перебрался на другую сторону.

У многих во второй линии создалось впечатление, что полк окружён. Положение спасла подошедшая к переезду 1-я батарея. Несколькими удачными выстрелами артиллеристы отогнали бронепоезд на почтительное расстояние⁴⁹⁰. Он продолжал обстрел, но, вынужденный постоянно маневрировать, посылал снаряды уже не столь точно, как в начале боя.

Тем временем Офицерский полк выровнял, наконец, фронт и короткой атакой опрокинул красногвардейцев. На их плечах добровольцы ворвались в Горькую Балку. На окраине поселения были обнаружены трупы высланных накануне от Армии в разведку кубанских казаков, поэтому пленных не брали.

Не задерживаясь в селе, части 1-й бригады проследовали в станицу Плоскую. Туда же подтянулся вскоре обоз, а к вечеру от станицы Ново-Баклановской подошла и 2-я бригада.

Офицерский полк уходил от полотна последним и не избежал потерь. После того, как орудия 1-й батареи снялись с позиций, к переезду вновь подошёл бронепоезд и обстрелял Горькую Балку. Были раненые, а в батарее погибла сестра милосердия О.И. Башкова.

В Плоской Армия стала на ночлег. Эта была первая станица, которую заняли добровольцы на Кубани. Сюда же, «описав полную восьмёрку», они вернулись перед тем, как выйти из пределов Области.

В Плоскую прибыл разъезд донских казаков. Они сообщили, что на Задонье с юга и запада наступают значительные силы большевиков, и командование просит оказать помощь.

Во второй половине дня 17(30) апреля Армия двинулась на Лежанку и к вечеру заняла село. На этот раз сопротивления оказано не было, жители оставались в домах. Более того, село дало пополнение несколькими добровольцами. Проявившая настойчивость совсем ещё юная девушка обратилась лично к Маркову с просьбой зачислить её в качестве сестры милосердия. Генерал разрешил, но с одним лишь условием:

– У меня ухаживать за больными, а не за здоровыми, – пошутил он.

---

⁴⁹⁰ В этом бою у насыпи был убит капитан Згривец, беззаветный труженик военного лихолетья.

Весь день 18 апреля (1 мая) Армия стояла в Лежанке и приводила себя в порядок. Лишь 1-й Конный полк Глазенапа был направлен Деникиным в Егорлыкскую на помощь донцам⁴⁹¹.

Офицерский полк занимал восточную часть села, выставив у окраины охранение. На значительном удалении в степи разъезжали конные разъезды, и поэтому неожиданного нападения противника не ожидали. Тем не менее, к вечеру охранение усилили, выдвинув вперёд и пулемёты.

Перед рассветом 19 апреля (2 мая) часть полка была посажена на подводы и двинута на Лопанку. Перед тем как перевести Армию в Задонье, Деникин, как мог, старался обезопасить её с юго-восточного направления, нанеся местным формированиям Красной гвардии максимальный урон. Перед Лопанкой произошёл встречный бой, в ходе которого красногвардейцы были сразу же опрокинуты. Офицерские роты заняли село, но ночью вернулись в Лежанку.

Были получены известия о том, что донцы оставили не только Кагальницкую, но и Мечетинскую и спешно отходят к Егорлыкской. Им на помощь 20 апреля (3 мая) Деникин направил 2-ю бригаду и всю конницу. В Лежанке с обозом и походным лазаретом с 1500 ранеными оставались лишь части 1-й бригады⁴⁹² и задержавшийся на некоторое время отряд Покровского.

⁴⁹¹ Когда Глазенап подошёл к Егорлыкской, в ней оставались только старики и дети. Взрослое население, положив на телеги свой скарб, ушло в степь. Узнав о занятии станицы добровольческой частью, казаки вернулись в свои дома. Многие с оружием в руках присоединились к полку. 21 апреля (4 мая) большевики оставили свои позиции и спешно стали отходить к югу. Сказались результаты обходного манёвра 2-й бригады, вышедшей на их тылы.

⁴⁹² В ночь на 20 апреля (3 мая) Командующий отдал приказ по Армии, в котором в частности говорилось:

«2. Завтра, 20-го апреля, приказываю ударить по группе противника, ведущей наступление на ст. Егорлыкскую, и разбить эту группу.

а) Г.-М. Богаевский – 2-я бригада (без чехословацкого бат-на) и Кубанский конный полк – выступить из Лежанки в 2 часа и, следуя долиной балки Водяной и затем на хут. Лисицына, ударить в тыл противника.

б) Полковник Глазенап – 1-й Конный полк, Кубанский пластунский бат-н и ополчение ст. Егорлыкской – активно оборонять ст. Егорлыкскую, а с подходом ген. Богаевского перейти в наступление и гнать противника к Северу.

в) Г.-М. Покровский – 3 сотни – наступать в указанном особой директивой направлении и захватить Гуляй-Борисовку.

3. Г.-М. Маркову – 1-я бригада – оставаться в сел. Лежанка, прикрывая её с

Вскоре большевики предприняли новое наступление, производимое одновременно с двух направлений, с востока и с юга. Численное превосходство их было подавляющим. Полки 1-й бригады развернулись в цепи, прикрыв Лежанку по всей линии. Добровольцам были розданы по 30 патронов на винтовку. Кроме того, Марков поставил пулемёты на подводы с большим запасом патронов. Несколько таких подвод составляли пулёмётные «батареи». Они должны были выезжать на фланги атакующих и расстреливать их в упор.

При поддержке артиллерии противник подошёл к селу на 1000 шагов, но встреченный огнём, вынужден был остановиться и залечь. Применённое Марковым новшество себя оправдало. В критический момент боя пулёмётные «батареи» выскакивали тут и там перед цепями и с расстояния в 400-500 шагов вели действительный огонь по большевикам. Воспользовавшись их замешательством, бригада перешла в контратаку. Частью сил она преследовала отступавших красногвардейцев несколько километров.

Однако о разгроме не могло идти и речи. Едва преследование прекратилось, противник остановился и быстро привёл себя в порядок. Советские батареи, став на новые позиции, повели огонь по выдвинувшимся вперёд подразделениям добровольцев. Шрапнели одна за другой рвались над продвинувшейся дальше остальных 4-й ротой. Цепь её залегла среди стогов сена и сараев с сельскохозяйственным инвентарём. Тяжёлых раненых как раз занесли, укрывая от винтовочного обстрела в один из таких сараев. Снаряд попал в угол строения, загорелась солома. Сарай запылал и сгорел в несколько минут. Трое раненых погибли в огне.

К ночи перестрелка прекратилась. Частям было приказано оттянуться к Лежанке, выставив сильное охранение. Потери оказались серьёзными. В Офицерском полку вышли из строя до 50 добровольцев. Ранение в голову получил и его командир генерал Боровский. Полк принял полковник Дорошевич.

востока и юга, для чего немедленно один батальон перевести на южную окраину селения и сменить заставы Г.-М. Богаевского.

4. Ген. Эрдели – Черкесский конный полк и разъезд Кубанского конного полка – вести разведку в прежних направлениях.

5. Штаб Армии – остаётся в Лежанке...»

2-я бригада в этот день действовала успешнее. С утра её полки выступили из Лежанки на хутор Иловайский, заходя в тыл советскому отряду, наступающему на Егорлыкскую с юга. Хутор был занят противником. Около полудня Корниловский полк, развернувшись, атаковал и отбросил большевиков. Обходной манёвр сразу же принёс свои плоды. Колонны красногвардейцев, продвигавшиеся к Егорлыкской, поспешили отойти на Гуляй-Борисовку. Местная Красная гвардия в несколько тысяч штыков рассеялась.

До вечера бригада отдыхала в занятых хуторах. В 20 часов возобновила движение, теперь уже на Гуляй-Борисовку. Впереди шёл Партизанский полк, за ним – «корниловцы». Около 5 часов утра 21 апреля (4 мая) колонна вышла к селу. «Партизаны» продолжили движение, а ведомый полковником Кутеповым Корниловский полк, развернувшись, без выстрела ворвался на окраину. Красногвардейцы были застигнуты врасплох и серьёзного сопротивления не оказали. Большая их часть в совершенном расстройстве отошла в степь, до трёх сотен захвачены в плен⁴⁹³, остальные – переколоты на улицах. Потери добровольцев, в сравнении с достигнутым результатом и захваченным вооружением и имуществом, оказались ничтожными. 5-6 человек получили ранения.

И главное, большевики спешно отошли от Мечетинской, которая тут же была занята донцами. Удовлетворённый действиями бригады Деникин разрешил Богаевскому задержаться в Гуляй-Борисовке и там встретить Пасху.

Тем временем 1-я бригада не могла оставить Лежанку, так как подвергалась непрерывным атакам противника. Лишь обоз и лазарет по частям переводились постепенно в Егорлыкскую.

21 апреля (4 мая) в Страстную субботу бригаде пришлось

⁴⁹³ «Подходя к селу, – пишет Казанович, – я с удивлением увидел, что вырытые впереди него окопы никем не заняты. Оказалось, что большевики ожидали подхода каких-то своих частей и, увидев издали нашу колонну, приняли её за своих и спокойно оставались по квартирам. Не теряя времени, мы атаковали село. Большевики были захвачены врасплох. Началась ловля и истребление их по дворам, в чём тотчас приняли участие и корниловцы. Пленных сгоняли на площадь на краю села. Вскоре их набралось у меня более 300.

Здесь я впервые от начала 1-го похода получил приказание от ген. Богаевского: по случаю страстной субботы пленных не расстреливать...»

выдержать серьёзный бой. С утра село начали обстреливать советские батареи. Плотные массы пехоты накапливались в зоне видимости, разворачиваясь в густые цепи. Лежанка вновь охватывалась с юго-запада и северо-востока, но на этот раз фронт наступления оказался куда шире. По сигналу вся масса красновардейцев разом перешла в наступление.

Офицерский и 1-й Кубанский полки развернулись навстречу и упорно оборонялись. На отдельных участках переходили в контратаку и отбрасывали противника, но большевики, не считаясь с потерями, упорно продвигались вперёд⁴⁹⁴. К полудню они достигли поселкового кладбища и заняли кирпичный завод у земляной дамбы. Продвинься они к мосту, и дорога, связывающая бригаду с Егорлыкской, была бы перерезана. В Лежанке в этот момент находились Деникин⁴⁹⁵, Алексеев с сыном, а также и не успевшая перейти в Егорлыкскую часть лазарета с ранеными.

Чтобы отбросить противника от домов, Марковым был использован последний резерв – 1-я инженерная рота. Однако чтобы сбить отряд красновардейцев в несколько сот человек, её 80-ти штыков оказалось недостаточно. Под сильным огнём рота, не продвинувшись от окраины, залегла. Всё же, когда с соседнего участка была снята офицерская полурота, большевики были, наконец, опрокинуты и отошли. Лишь тогда подводы с ранеными кружным путём проследовали на Егорлыкскую и далее на Мечетинскую.

Это развязало руки Маркову, который стал действовать ещё энергичнее. К вечеру большевики уже не могли продвинуться к селу. Их наступление стало выдыхаться. Без выстрела поднялся

⁴⁹⁴ Захваченные в столкновениях с передовыми частями пленные красновардейцы показали, что на митингах было решено, во что бы то ни стало взять Лежанку и провести праздники в этом богатом селе.

⁴⁹⁵ Интенсивность обстрела характеризует следующий эпизод. Деревянный дом, который занимал в Лежанке Деникин, не мог служить надёжной защитой от артиллерийского огня. Снаряды, между тем, падали в непосредственной близости. Когда граната разорвалась во дворе, и шрапнель переранила лошадей, Романовский предложил Командующему перейти в расположенный в каменном здании штаб. Однако едва Деникин последовал его совету, здание штаба и соседний дом, в котором располагался лазарет, накрыло сразу серией разрывов. Были убитые и раненые. Командующий отделался осыпавшейся на него с потолка извёсткой.

Офицерский полк и молча пошёл вперёд⁴⁹⁶. Этого последнего нажима красногвардейцы уже не выдержали. Их смешавшиеся цепи отходили по всему фронту. И на этот раз противник не остановился на ближайших холмах. Советские отряды, не задерживаясь, отходили на свои квартиры в рядом расположенные сёла. Добровольцы их не преследовали. Части отошли в станицу и, выставив охранение, расположились на ночлег в домах на окраинах. За день 1-я бригада потеряла до 80 человек, из них 8 убитыми. При ней вновь сформировался походный лазарет, в котором насчитывалось уже до 150 раненых⁴⁹⁷.

Деникин приказал Маркову ещё на сутки задержаться в Лежанке, а затем, выйти к железной дороге западнее Целины, испортить пути, и лишь потом следовать к Егорлыкской. Уже вечером штаб вышел из села. На дороге Деникин разговорился с Романовским, с которым у него сразу же сложились тёплые, основанные на близости взглядов и убеждений, отношения.

– ...два месяца тому назад, – говорил начальник штаба, – мы проходили это же место, начиная поход. Когда мы были сильнее – тогда или теперь? Я думаю, что теперь. Жизнь толкла нас отчаянно в своей чёртовой ступке и не истолкла; закалилось лишь терпение и воля; и вот эта сопротивляемость, которая не поддаётся никаким ударам.

– Что же, Иван Павлович, как говорит внутренний голос – одолеем?

– Как сказать..., – задумчиво ответил Романовский. – Мне кажется, что теперь мы выйдем на большую дорогу. Но попадём в жестокую схватку между двумя процессами – распада и сложения здоровых народных сил. Они по существу будут бороться, а мы, в зависимости от течения их борьбы, одолеем или пропадем...

22 апреля (5 мая) в первый день Пасхи части 1-й бригады вышли на позиции, готовые отразить очередное наступление противника. Однако его не последовало. Весь этот день добровольцев в Лежанке никто не беспокоил. Красногвардейцы, находившиеся в ближайших селениях, на удалении в 15 километров,

⁴⁹⁶ По свидетельству некоторых источников в контратаке приняли участие и подошедшие от Егорлыкской к Лежанке подразделения донских казаков.

⁴⁹⁷ Ранен был и вновь назначенный командир Офицерского полка полковник Дорошевич. Его заменил полковник Хованский.

предпочли новому кровопролитному бою отдых и празднование.

Праздновали в рассыпавшихся у околицы цепях и «марковцы». Забегали, пользуясь неожиданным затишьем в хаты, но потом возвращались в линию. Разговеться особо было нечем, так как ещё с утра хозяйственные чины с обозом убыли в Егорлыкскую. Но, удивительное дело, продуктами добровольцев снабдили крестьяне, которые, казалось, не должны были испытывать по отношению к Армии особых симпатий. За два месяца похода многое действительно успело измениться...

Используя передышку, Марков обошёл стоявшие на позициях части. Не забыл он и о раненых, которых как мог, старался подбодрить. Четыре молодых офицера 4-й роты получили ранения в конечности.

– Что это вы подставляете свои ноги и руки? – пошутил генерал. – А я так вообще не подставляю себя под пули.

– Что, ранен? – обратился генерал к тяжело раненому пулей в живот добровольцу. Офицер не мог говорить, не переставая, отхаркивался кровавой пеной. Лишь кивнул и улыбнулся в ответ.

– По глазам вижу, что выздоровеете, – приблизившись, прошептал Марков⁴⁹⁸.

Вечером бригада выстроилась на поселковой площади. Здесь ей было объявлено о предстоящем марше. Части на подводах вытянулись в колонну и, перейдя по мосту Средний Егорлык, начали продвигаться к Егорлыкской. Уже в темноте на хвост колонны напоролся случайный большевистский грузовик, обстрелявший её из пулемёта. Шедшая в арьергарде 1-я батарея дала один выстрел, и грузовик исчез в ночи.

Вскоре бригада, свернув с тракта, взяла резко вправо.

6.16. Набег. Завершение похода

На рассвете 23 апреля (6 мая) 1-я бригада подошла к железнодорожному полотну у разъезда Прощального и основательно разрушила пути. Выворачивали целые рельсовые звенья. Отбивали шпалы и тут же сжигали их в разведённых кострах. Вы-

---

⁴⁹⁸ Офицер, которого врачи считали безнадежным, действительно впоследствии поправился и пережил своего командира.